
НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ДЕМОКРАТИЯ КАК ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ СРЕДА: ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ

М.А. Жуков

Кафедра социальной философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Несмотря на множество проблем, демократия остается наиболее оптимальным режимом, соответствующим задачам эпохи и имеющим перспективы в будущем. При строгом понимании демократии, Россия только в начале пути к конструированию действительно демократической среды. Необходимо возвращение гражданина-субъекта как системообразующего элемента этой среды. Его современную политическую культуру можно формировать через модернизацию ценностей патриотизма, истории и интеграцию в глобализирующийся мир, целенаправленно развивая систему гражданского образования.

Ключевые слова: демократия, демократическая среда, модернизация, социальное конструирование, политическая культура, субъект, гражданин, гражданское образование.

Начнем с общего утверждения: демократия, похоже, — оптимальная политическая система, особенно в условиях современности. В течение веков человечество откровенно экспериментировало с самыми разными политическими режимами — демократическими и не очень. В любом случае демократические ростки существовали всегда (хотя бы на местном уровне), пусть иногда и в форме уступок, деклараций, идеалов. Сегодня эти ростки стали мощнее, а кое-где это уже и не ростки, а целые деревья, питающие общество вырабатываемым ими кислородом.

Видный современный социолог Чарльз Тилли с воодушевлением утверждает: «Демократия хороша и сама по себе», так как дает возможность людям самим определять свою судьбу, защищает от всех (конечно же, известных нам) недостатков, чтобы не сказать ужасов, других режимов, и «обеспечивает лучшие условия жизни, по крайней мере в том, что касается доступности образования, медицинского обслуживания и защиты закона» [9. С. 20].

Ему вторит Фарид Закария — один из самых влиятельных и популярных американских политических аналитиков, редактор еженедельника *Newsweek International*: «Если исключить те страны, ВВП которых зависит практически полностью

от сырьевых ресурсов, то окажется, что всего лишь одна страна, где действительно высокий доход на душу населения, не является либеральной демократией — это Сингапур... Но в принципе если брать все богатые государства, то это страны с либеральной демократией» [2].

Помимо видимых на сегодня преимуществ, наше внимание к демократии можно объяснить и направленными в завтра тенденциями. Обратимся вновь к Ч. Тилли: «Экстраполируя выводы, сделанные на основе приведенных ранее фактов (исторического процесса), мы можем сказать, что простая демократизация будет продолжаться, и дальше останется лишь ядро глубоко враждебных демократии режимов; что дедемократизация будет происходить все реже...» [9. С. 241].

Разумеется, демократия имеет свои проблемы, как практические, так и теоретические, коренящиеся в самой ее природе. Достаточно сослаться здесь на опасения Х. Ортега-и-Гассета относительно «сверхдемократии» и власти толпы посредственностей, а также на сегодняшние теоретические конструкции, предупреждающие об опасностях или кризисе демократии.

Ф. Закария справедливо замечает, что «демократия не решает всех проблем в мире. Даже современные либеральные демократии не способны это сделать. Но тем не менее, когда мы говорим о модернизации, то нужно понимать, что для нее не придумано иного пути, кроме либеральной демократии» [2]. При всех ограничениях и проблемах «универсальная притягательность перспективы жить в современном свободном обществе с подотчетным тебе правительством» [12] все же берет верх, давая силы и энтузиазм для преодоления встающих на пути демократии препятствий.

Здесь важно различать сущностные изъяны того или иного режима и те негативные последствия, которые возникают — к сожалению, с неизбежностью — при его практической реализации. И, конечно, не упускать из виду сравнительные преимущества и недостатки других политических моделей или режимов, а также, что еще более важно, перспективу воспитательной или образовательной подготовки людей к пользованию демократией.

Зафиксируем, опираясь на сказанное, одну принципиальную мысль: только демократия может и действительно соответствует духу современности, уровню и задачам эпохи, в которую мы живем. Если сомнительной перспективе сохранения архаичной самобытности (по сути, бальзамирующей нашу общественно-политическую жизнь, превращающей ее в музей русско-советского образа жизни) мы предпочитаем перспективу жить в условиях современности со всеми ее достижениями и благами, то мы, конечно же, должны выбрать то, что «на высоте эпохи» — демократию. «...Все люди, — писал Аристотель, — стремятся не к тому, что освящено преданием, а к тому, что является благом» [1. С. 73]. На сегодняшний день мы вряд ли сможем найти серьезную альтернативу демократии по параметрам современности и предоставлению каждому человеку необходимых жизненных благ.

Необходимо, однако, разобраться в том, что мы понимаем под демократией. Понимание демократии — составной элемент реально функционирующей системы демократии. М.В. Ильин в данной связи писал: «Во что отольются слова *демократия* и *законность*, зависит от того, как их понимают те, кто произнес и кто услы-

шал. Если обе стороны считают себя вправе приписать слову любое значение, то получится общение двух глухих. Два понятия о демократии и законности нигде не встретятся, не соединятся, не породят ничего, кроме иллюзий и химер. Если же оба уважительно относятся к употребляемому слову, понимают, что это слово созидало в политике на протяжении веков, тогда их устремления пересекутся в одном понятии, обогатят его и утвердятся в новых политических свершениях» [3. С. 128]. От того, что общество понимает под демократией, как раз и зависит, куда мы можем прийти в конце пути, освещенного (освященного) призывами к ней и применением эпитета «демократический» ко всем реализуемым действиям. Задача сегодняшнего дня — потеснить в сознании и самих политиков, и населения вообще понимание демократии как хаоса, дабы изменить отношение к ней, отказаться от чисто номинального (как декоративной системы институтов) толкования демократии в пользу ее реального существования.

Одним из первых принципов определения любого понятия является его самостоятельность. «Научные понятия, — верно замечает В.Г. Ледаев, — должны обладать определенным (уникальным) содержанием: понятийная структура не может быть „засорена“ синонимами, присутствие которых неизбежно сказывается на четкости и ясности описания и объяснения социальной реальности. Хотя многие понятия имеют общие элементы или одни понятия выступают элементами других, у них не должно быть одинакового содержания» [5. С. 60].

С одной стороны, прибавление к *демократии* эпитетов как бы оправдывает ее неполноценность, недостаточное соответствие, как сказал бы Гегель, своему понятию. С другой стороны, это подчеркивает наличие довольно устоявшейся семантики *демократии* — «чистой», без примесей различных прилагательных — даже там, где, по сути, не было истинно демократического опыта. Мы можем говорить о глобализации этого понятия, его универсализации в сознании людей, о невозможности манипулирования данным термином, как это легко проделывалось еще несколько десятков лет назад в авторитарных режимах.

Семантический анализ обыденного использования понятия — еще один важный принцип и источник его определения. «Это соответствует разделяемому большинством исследователей принципу концептуализации, согласно которому *социальное понятие должно коррелировать с обыденным значением слова, представляющего данное понятие*. Правомерность данного принципа не вызывает сомнений: социальное понятие не может иметь содержания, полностью отличного от значения соответствующего слова» [5. С. 61]. И здесь, заметим, даже в нашем обществе (где, как считает Г. Павловский, «разговор о демократии исходно подозрителен, и вступающий в него сразу почувствует себя неловко. Предполагается, что русские либо жалуются на ее (демократии) отсутствие, либо лгут о ее наличии» [6. С. 6]) на интуитивном уровне при обыденном использовании понятия *демократия* людям абсолютно ясно, что Россия, возможно, лишь в самом начале пути демократического развития, и говорить о ней как о стране, где в полной мере утвердилась демократия, пусть в чем-то и особенная, еще рано.

Для определения «близости» к понятию демократии не всегда требуются сложные измерения и комплексный анализ законов, институтов и других составля-

ющих общественного и государственного устройства страны — нередко достаточно и обыкновенного здравого смысла. Если, скажем, после учебных полетов «борта № 1» в нью-йоркском небе, напугавших американцев, мэр города (пусть даже города Нью-Йорка) может потребовать объяснений, а президент непременно извинится, так же как и после не в достаточной мере аккуратно использованной метафоры по поводу Лас-Вегаса, которую сочли антирекламой города, — если весь этот фактический информационный набор «обывательски» оценить, то очевидно, что США гораздо демократичней Российской Федерации.

То же самое можно сказать и о Германии, где президент, поняв опрометчивость своих высказываний и почувствовав шквал критики, может добровольно подать в отставку, а немецкий гражданин при этом еще и возмутиться: «как это он по собственному желанию сложил полномочия, это мы его выбирали, и он перед нами ответственен, это не просто работа, а служба, облеченная нашим доверием, которую нельзя вот так вот просто оставить».

Существующие в нашей стране довольно современные конституционные нормы и по демократическим принципам выстроенные институты не дают основания утверждать, что Великобритания с ее монархией или США с непрямыми выборами президента являются менее демократичными. Реально «работает» в истории не столько буква закона, сколько его дух, разделяемый и понимаемый как должностными лицами, так и рядовыми гражданами. Особенно действенны здесь самодисциплина и правовая культура.

В общем же плане важны все факторы: нормативно-правовые, институциональные и собственно культурные. Вместе взятые, они открывают возможности для демократического поведения и демократической активности. «...Демократия, — по справедливому замечанию Д. Петрова, — не есть формальный реестр институтов и процедур, которые несложно „подмять под себя“, владея навыками неформального управления... умение и готовность гражданина быть недовольным и заявлять об этом делает демократию властью народа. И той его части, у которой власть, и той, которую это не устраивает» [8]. Можно понять в данной связи и Ч. Тилли, настаивающего на том, что «режим можно признать демократическим, если политические отношения между гражданами и государством выражены широкими, равноправными, защищенными и взаимобязывающими процедурами обсуждения» [9. С. 29].

При всем том четкой демаркационной линии между демократией и недемократией нет, не существует. Более правильно, видимо, рассматривать различные страны на разных этапах их развития как более демократичные или менее демократичные. Учитывая же необычный динамизм современной жизни, можно смело говорить о том, что демократия постоянно изменяется и развивается, что нужно постоянно уточнять — диалогически, в процессе дискуссии — ее стандарты. Ясно также, что стандарты эти должны быть мягкими, «симметричными» вызовам и угрозам современного мира. И это, судя по всему, начинают понимать везде — не только на Востоке, но и на Западе.

Так, после неудачных попыток экспортировать американскую модель демократии новая администрация США отказалась от этой стратегии, признав много-

образе демократического опыта и согласившись с тем, что «„эффект демонстрации“ и поддержка извне всегда имели серьезные ограничения. Они могли оказать влияние на процедуры, организационные формы или структуру демократических консультаций, но не могли произвести те социальные преобразования, на которых, в конечном счете, и зиждется демократизация» [9. С. 226].

Для более глубокого понимания демократии необходимо также разобраться в том, откуда она взялась, из чего выросла, как конкретно появилась на свет. Если без конструктивизма, конструктивности не обходится ни одна социальная система, даже самая примитивная или консервативная, то, пожалуй, демократия будет первой в списке сконструированных, наиболее нуждающихся в конструировании — и потому, видимо, конструктивных.

Возможно, что античные греки пришли к своей демократии в результате «естественной эволюции». Но уже тогда и там для демократии (ее существования или осуществления) были созданы правила — законы. Опорой при этом служили собственный исторический опыт и сравнительный ресурс устройства других обществ. Была сконструирована целая культурная среда, неотъемлемой частью которой стала демократия. Среда новая, одновременно искусственная (искусная) и органичная. Ведь нормальным существованием для человека «является то, которое соответствует его сознанию и должно быть создано им самим» [10. С. 510].

Опять сошлемся на Ч. Тилли. Его исследование основано на примерах многих стран и эпох, когда общества шли по пути демократизации или дедемократизации. Он пишет об определенных общественно-политических процессах, способствующих демократизации, показывая, что путь к демократии всегда трудней и дольше, чем в обратном направлении. Примеры долгого «естественного» пути (к примеру, Франции или Испании) к демократии анализируются им скорее для того, чтобы вскрыть те процессы, которые нужно «запускать» и/или поддерживать, чтобы построение демократии было успешным. Пример Соединенных Штатов, где практически не было откатов к дедемократизации, но было немало сложностей и противоречий, показывает нам, как сконструированная более 200 лет назад в Конституции США американская демократия становилась реальностью, как важен конструкт и воля к его воплощению в реальность.

Еще один, на наш взгляд, наиболее близкий к идеальному пример конструирования демократии демонстрирует нам Германия. По сути, не знавшая в своей истории сколь-нибудь значительного периода демократического управления (даже Веймарская республика не пережила и одного поколения немцев), эта страна за последние шесть десятков лет смогла построить довольно гармоничную демократическую систему, интегрировав в последней трети этого периода идеологически чуждое ей общество Восточной Германии.

Конструирование позволяет комбинировать «то, что соответствует сознанию», то, что приносит свои плоды у других, с реалиями каждого конкретного общества в каждый конкретный момент времени. Именно конструирование *на месте* порождает то многообразие демократического опыта при сохранении общих стандартов, которые оказываются эффективней привнесенных извне схем.

И даже если не согласиться с тезисом исторического исчерпания стихийного потенциала развития и уверовать в неизбежность «естественного» выурливания

к оптимальному образу общественно-политического устройства, то все равно ясно, что это не произойдет в пределах жизни одного поколения и, скорей всего, даже в каком-то обозримом будущем. А человек нашего времени уже не готов жить просто ради идеалов слишком отдаленного будущего. Он требует лучшей жизни сегодня. И нам не остается ничего, кроме как заняться ее конструированием, имея в виду, как цель, истинно демократический порядок.

Но что же именно нужно сконструировать, чтобы этого самого демократического порядка достичь? Ведь мы уже говорили о том, что и в нашей стране и вообще в мире широко распространены законодательства и институты, внешне выглядящие как демократические. А наше сознание фиксирует реальную демократию, пожалуй, лишь в некоторых из этих стран.

По-видимому, мы должны говорить о конструировании условий и возможностей, при которых каждый захочет и сможет понять свои интересы и реализовать их в том обществе, где он живет, то есть использовать имеющиеся институты и законы для достижения своего благополучия, не нарушающего при этом благополучия ни одного из «соседей» по обществу. Иначе говоря, речь идет о конструировании среды демократических возможностей — демократической среды.

Практика тренингов по демократии с российскими участниками дает нам очень хороший пример. В большинстве своем наши сограждане — даже молодые, уже родившиеся в стране развивающейся демократии, стремящиеся к самовыражению, склонные скорее к индивидуализму, нежели к коллективизму — предпочитают делегировать принятие решений кому-то одному или небольшой группе и полностью довериться им.

Даже если достигнутое решение многих не удовлетворяет, они предпочитают не тратить время и энергию на достижение общего согласия, то считая его практически недостижимым, то просто устав от попыток договориться, то полагая проблему столь незначительной, что можно закрыть глаза на не очень хороший и не во всем убедительный результат ее разрешения. «...У большинства наших людей, — делится своими наблюдениями Ю. Кузнецов, — нет вкуса к самоуправлению, нет даже представления о том, что самоуправление может быть хорошо и полезно. Я не говорю, что это совершенно отсутствует, но это какая-то очень периферийная черта у наших сограждан» [4].

Теперь стоит только представить, как часто в жизни мы встречаемся с таким отказом от участия, как легко у не участвующих в разрешении «незначительных» вопросов граждан забрать право и на участие в принципиальных решениях, по сути, превратив их из граждан в массу.

На сегодняшний день, что очевидно, мы имеем некую среду с наличием в ней демократических элементов, но, вероятно, не хватает одного — системообразующего, который смог бы объединить вокруг себя все наличные ресурсы и привести к новому качеству всей среды — полноте ее демократичности. На наш взгляд, таким системообразующим элементом может быть только человек, обладающий четко выраженной гражданской позицией.

Когда мы говорим о проблеме построения демократической среды, то мы ощущаем отсутствие гражданского субъекта как бы дважды. Во-первых, субъект

ект — это тот, кто собственно среду создает. С одной стороны, понятно, что демократическую среду должен конструировать если не каждый, то хотя бы большинство. С другой стороны, даже политическая элита, которая могла бы сконструировать каркас такой среды, в наших конкретных условиях не готова, как исторический субъект, к созиданию действительно демократических условий. Те представители либеральной интеллигенции, которые хотели бы это сделать, к сожалению, далеки от реальности, в которой живут их сограждане, и, соответственно, могут сконструировать лишь прожекты, а не проекты. Во-вторых, сегодня принято рассматривать среду не отдельно от субъекта, не в некоем разграниченном положении, а скорее как систему субъект—среда. И в этом плане каждый акт гражданской жизни отдельно взятого гражданина — от осознанного голосования на выборах и отказа дать взятку до участия в акциях протеста или иска в Европейский Суд по правам человека — является феноменом этой среды, ее к тому же изменяющим. Но на сегодняшний день количество акторов гражданского общества и интенсивность совершения ими гражданских действий не достигает критической массы, чтобы говорить о субъекте, действительно являющимся определяющим элементом демократической среды. Для демократии нужны субъекты, наделенные идеалами, желаниями и чувством ответственности. Такие субъекты, по словам Ортега-и-Гассета, «выдвигают к себе высокие требования и готовы к самосовершенствованию. Для них жить — значит активно действовать, а не ограничиваться тем, чтобы только реагировать на воздействие» (1).

Чаще всего мы не только не имеем компетенций субъекта, необходимых, чтобы продвинуть свой интерес, но и не считаем это ни возможным, ни нормальным. Более того, просто не осознаем своих интересов, доверяясь течению жизни и воле тех, кому передали управление собой. По сути, мы говорим о политической культуре. Причем применительно и к простому обывателю, и к политической элите. Фактические характеристики наличной политической культуры не позволяют ни тем, ни другим стать субъектами демократической среды.

Нередко приходится слышать, что демократия в нашей стране невозможна из-за неких особенностей нашего менталитета, сопротивляющегося ей изо всех сил. Но что мешает нам на этот менталитет влиять, модернизируя, в частности, содержание наших традиционных ценностей?

Отталкиваться есть от чего. Мы могли бы опереться на одну из самых сильных сторон российского гражданина — патриотизм. Естественно, уточнив его с поправкой на дух времени и специфику поставленной задачи — сознательно (исторический выбор) и бесповоротно демократизироваться. Пока же наш российский патриотизм слишком мемориален, на первом плане в нем — славное историческое прошлое.

Ясно, что патриотизм сегодня уже не может выражаться в том, что *мы лучше кого-то* (как правило, в одной отдельно взятой «области балета», каковым иногда становятся спортивные достижения). Современный патриотизм основывается на том, что у нас действительно что-то хорошо получается, что мы можем производить конкурентоспособные товары, создавать действительно современные технологии — без сравнивающей конфронтации или в пику другим.

Нужно относиться к истории как к истории, а не вплетать существовавшие в прошлом переживания в ткань существующих отношений к происходящему. Наша любовь к истории, наше трепетное отношение к ней может трансформироваться в желание знать настоящую историю, а не только ее героические страницы. Историю проблем, с которыми сталкивался народ, и тех способов, которые он находил для их разрешения, историю ошибок и попыток их решения. История-воспоминание могла бы стать историей-уроком.

В противоположную сторону стоило бы развернуть и наше отношение ко всему иноземному. Если перестать искать злой умысел и шпионский заговор в каждом факте молодежного обмена, если легитимировать в глазах государства, в глазах общества интерес и в общем-то толерантное отношение к иностранцам и их образу жизни, если научиться открытому диалогу с позиции равного и принятию принципов, но не переносу конкретных форм, то это во многом изменит сознание российского гражданина. Г. Павловский правильно замечает: «выбор модели развития демократии нам только предстоит. И в этом отношении очень важен международный опыт» [7].

Модернизация ценностей патриотизма, истории и интеграции (в глобализирующийся мир) невозможна без такого важного элемента конструирования демократической среды — в гражданско-ценностном его понимании, — как образование. Над его содержанием тоже нужно целенаправленно работать — чтобы сделать более конструктивным (только при этом условии и возможен конструктивизм как установка и компетентность носителя всех этих ценностей). Мы согласны с А. Юсуповским, когда он пишет, что демократия — это «тяжкий кропотливый труд самообучения и самоорганизации общества, широких масс по повышению своей компетентности, обучения управлению в своих же интересах» [11].

Пока не появится по-современному образованный субъект, нам вряд ли помогут и институты, и законы, и мировой контекст, и даже политическая воля власти. Нам необходимо, подчеркнем это в порядке заключения еще раз, обратить особое внимание на образование — гражданское образование. И как на часть работы имеющих образовательных учреждений; и как на неформальное образование через тренинги, молодежные лагеря, социальные проекты, международные обмены; и как на образование через среду (существующие отношения, механизмы принятия решений в школе, вузе, в трудовых коллективах, те ценности и образцы, которые транслируются политиками и СМИ, и многое другое), в которой живем мы. Мы как те, кто *становятся* гражданами своей страны, мы как те, кто *пре-образуется* в субъект общественно-политической жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Цит. по: *Хевеши М.А.* Толпа, массы, политика. Историко-философский очерк. — М., 2001.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аристотель.* Политика. — М., 2006.
[2] *Закария Ф.* Кризис будет повторяться, пока власти разных стран будут продолжать вести себя безответственно. Выступление на Международной конференции «Современное госу-

дарство и глобальная безопасность», Ярославль, 2009. URL: http://yareoslav1-2009.ru/ru/materials/materials_shorthand

- [3] *Ильин М.В.* Политический дискурс: слова и смыслы (Государство) // Полис. — 1994. — № 1.
- [4] *Кузнецов Ю.* Демократия и республиканизм // Русский журнал. — 2010. — 29 июля. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaaya-povestka/Demokratiya-i-respublikanizm>
- [5] *Ледяев В.Г.* Власть: концептуальный анализ. — М., 2001.
- [6] *Павловский Г.* Многообразие демократий — от дебатов к стандартам. Спор Барака Обамы с Джорджем Бушем-младшим: взгляд из Москвы // Русский журнал. — 2009. — № 6.
- [7] *Павловский Г.* Время односторонних стандартов прошло // Независимая газета. — 2009. — 22 сентября. — С. 13.
- [8] *Петров Д.* Солидарность: избавление от страха. Опыт борьбы за демократию на фоне толков о ней // Русский журнал. — 2010. — 5 августа. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaaya-povestka/Solidarnost-izbavlenie-ot-straha>
- [9] *Тилли Ч.* Демократия. — М., 2007.
- [10] *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — 2-е изд. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. — Т. 20.
- [11] *Юсуповский А.* Политсистему обмануть нельзя // Русский журнал. — 2010. — 29 июля. URL: <http://www.russ.ru/pole/Politsistemu-obmanut-nel-zya>
- [12] *Fukuyama F.* Samuel Huntington, 1927—2008 // American Interest. 2008. December 29. URL: <http://blogs.the-american-interest.com/contd/2008/12/29/samuel-huntington-1927-2008>

DEMOCRACY AS DEMOCRATIC ENVIRONMENT: PERSPECTIVES OF CONSTRUCTION

M.A. Zhukov

Department of Social Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10a, Moscow, Russia, 117198

Despite the existing problems democracy is the most optimal regime, which meets tasks of the epoch and has prospects for the future. Strictly speaking, Russia is just starting its way to constructing a truly democratic environment. We need to cultivate a citizen-subject as a backbone element of this environment. His current political culture can be shaped through modernization of values of patriotism, history and integration into a globalizing world, purposefully developing the system of civic education.

Key words: democracy, democratic environment, modernization, social construction, political culture, citizen, civic (citizenship) education.